

14. Ismailov E. Akyns. Alma-Ata, 1957. P. 65.
15. Dzhuanyshbekov N. Kazakh sal and sere and Russian buffoons // Prostor. 2013. № 8.
16. Sacred art. URL: <https://wotanjugend.info>.
17. Fomin O. Grimoire in tre (n) e. URL: <http://arcto.ru>.
18. Guenon R. The Kingdom of Quantity and Signs of the Times. M. : Belovodye, 2003. 50 p.
19. Eliade M. Space and history. M. : Progress, 1987. 299 p.
20. Arapov A.V. The sacred problem in the art of Central Asia (based on the Boysun scientific expedition 2002–2004 materials) : Report at the scientific conference “National heritage and artistic culture of Uzbekistan” (Tashkent, Institute of Art Studies of the Academy of Arts of Uzbekistan, September 24, 2004). Tashkent, 2004.
21. Yelemanova S.A. The heritage of Turkic culture (historical review of Kazakh traditional music). Almaty : Kantana-press, 2012. 408 p.

УДК 7.07

Ж.Н. Шайгозова,
кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор
(Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Алматы)

Л.И. Нехвядович,
доктор искусствоведения, доцент,
директор Института искусств и дизайна
(Алтайский государственный университет, Барнаул)

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КӨКШЕ В ИСКУССТВЕ ХУДОЖНИКОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ*

Практика современного искусства Большого Алтая широко демонстрирует возможность органического синтеза фольклорного начала — народных сказаний, мифов, легенд с потенциалом изобразительного искусства

* Работа подготовлена в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект № 748715Ф.99.1.ББ97АА00002 «Тюрко-монгольский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности».

ства, в пространстве которого происходит переосмысление и наполнение новым содержанием. Особое место в этом процессе занимает проблематика анализа метафорического начала живописного произведения, занимающего прочные позиции в качестве конструирующего принципа.

Метафорическое в современном изобразительном искусстве выражается во всем многообразии. Можно сказать, что метафоризм используется современными художниками на разных уровнях: от деталей до картины в целом. При этом метафоризм проявляется в творчестве каждого художника по-разному, формируя неповторимую авторскую мировоззренческую концепцию.

Обращение кокшетауского художника Дужана Магзумова к метафоризму, выражающееся в использовании многообразных его средств, в том числе и умелого тончайшего живописно-пластического решения мифопоэтических полотен, проявляется в усиленной связи с родной землей, являясь своего рода залогом эмоциональной достоверности визуально-смысловых интерпретаций, которые дает художнику сакральное пространство Көкше.

Ключевые слова: сакральное, мифы, легенды, метафоризм, живопись, Көкше, Дужан Магзумов.

J.N. Shaygozova,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

(Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty)

L.I. Nekhvyadovich,

Doctor of Art History, Associate Professor,

Director of the Institute of Arts and Design (Altai State University, Barnaul)

SACRED SPACE KOKSHE: METAPHORISM PAINTING OF DUZHANA MAGZUMOVA

Practice of modern Kazakhstan art widely shows a possibility of organic synthesis of the folklore beginning — national legends, myths, legends with a potential of the fine arts in which space there is a reconsideration and filling by new contents. A specific place in this process is held by a perspective of the analysis of the metaphorical beginning of the work of painting taking strong positions as the designing principle.

Metaphorical in the modern fine arts it is expressed in all variety. It is possible to tell that the metaphorism is used by modern artists at the different levels:

from details to a picture in general. At the same time the metaphorism is shown in works of each artist differently, forming the unique author's world outlook concept.

The appeal of the Kokshetau artist Duzhana Magzumova to metaphorism which is expressed in his use of diverse means, including skilful and subtle pictorial-plastic solutions mythopoetic paintings, manifests itself in enhanced communication with their native land, as a kind of emotional guarantee the reliability of the visual-semantic interpretations, which gives the artist a sacred space Kokshe.

Keywords: sacred, myths, legends, metaphorism, painting, Kokshe, Duzhan Magzumov.

Подлинный художник всегда в движении, в динамике, в поиске. В целом о творчестве Дужана Магзумова можно сказать, что этот художник находится в постоянном поиске некоего визуального метафорического ключа, заветного авторского художественного языка, позволяющего реализовать в живописных полотнах слияние реального и мифологического, образующее одно целое — сакральное пространство Көкше.

Для этого художника сакрально буквально все: пространство, природа, люди, животные, полуфантастические существа и т.д., образы которых словно трансформируются на его полотнах в известную лирическую фабулу Ф.И. Тютчева: «Все во мне, и я во всем». Полотна Д. Магзумова — это синтетический реализм, органически соединяющий реальное и условное, историю и современность, земное притяжение и лирико-романтический полет. Здесь явно прослеживается перенесение смысла с одного на другое, налицо закодированная форма художественного общения в виде «развернутой» и «свернутой» метафоры. Художник работает в нескольких жанрах: пейзаже, портрете и тематической композиции. Такая творческая разноплановость дает ему возможность мыслить одновременно и традиционно, и современно.

Полотно «Күміс күйме» (рис. 1) есть метафорическая триада «Көк / Көкше / Жұмбақтас» (Весь / Синевато-голубой / Камень-загадка), философия Вечного, исполненная новых смыслов: от простого сравнения до поиска истины. Эта работа буквально окутана тончайшей серебристо-голубой дымкой, где на фоне легендарного Оқжетпеса и непостижимого Жұмбақтаса по зеркальной глади озера Ауликөль (Боровое) скользит призрачная серебрянная колесница, которой правит юная дева, словно ожившая пери из древних легенд Көкше.

Вдумчивый зритель непременно уловит и поймет стремление художника хотя бы на миг приоткрыть священный покров, почувствует

то пограничное состояние, когда живой мир, полный звуков и движения, соприкасается с «зазеркалем» с его блекнущими красками, замирающими звуками, умиротворенностью и тишиной.

Д. Магзумов видит Окжетпес с его скрытой в облаках вершиной олицетворением Мировой горы. Это некая Мировая ось, своеобразная «альфа и омега» всего пространства Көкше. К слову, в традиционном казахском фольклоре пространство при кажущемся спокойствии на самом деле постоянно находится в движении. Поэтому все герои фольклора находятся в постоянном пути, выраженном не столько реальной дорогой, сколько духовным путем к вершине, где живет Тенгри.

В казахской традиционной культуре, только достигнув высоты духовности, человек оправдывает свое предназначение, только тогда он становится совершенным (полным) человеком — воплощением древнетюркской идиомы «сегіз қырлы, бір сырлы» (в переводе с казахского языка означает «восемь граней — одна целостная суть» [1, с. 149]). Так и в картине Д. Магзумова при кажущейся внешней статике дев-пери ищет свой путь к чистой и первозданной любви.

Жұмбақтас здесь — камень/скала с особой тайной, скрытым смыслом, загадкой. Ведь недаром кокшетаусцы о нем говорят так: «Если смотреть на жұмбақтас с одной стороны, он напоминает лодку, если посмотреть с другой, он напоминает девушку с развевающимися на ветру волосами; отъехав чуть дальше, в другом ракурсе видишь скалу, напоминающую старую сгорбленную старуху».

Сама природа Көкше использует художественный прием, изменяющий изображения природных объектов в зависимости от ракурса, угла зрения воспринимающего. Поэтому мы говорим, что природные об-

Рис. 1. Д. Магзумов.
«Күміс күйте». 2008 г.

Рис. 2. Д. Магзумов.
«Бэйбіше», 2009 г.

Рис. 3. Д. Магзумов.
«Әжемнің таңы», 2008 г.

Рис. 4. Д. Магзумов.
«Кентавр». 2010 г.

разы Көкше сами диктуют художнику правила метафорической трансформации его художественных образов.

На полотне Дужана Жұмбақтас — это материальное воплощение образа Священного камня, символа реального пути познания законов Вселенной. Таких камней в мире много — это и Алатырь-камень, и Чинтамани, и чаша Грааля, и камень Коркута-ата и священный камень Каабы. Вариаций много, но смысл один. Его сила способна воздействовать на сознание людей, на их просветление, на познание духовной истины. В этом смысле Жұмбақтас — онтологический центр сакрального пространства Көкше, который, как никогда, актуален сегодня. Возможно, для Дужана Магзумова в образе Жұмбақтаса таится еще один скрытый смысл — сам древний миф об Оқжетпесе и Ауликөле — это драгоценный камень, который скрывает в себе много мудрого и поучительного для современников.

Сопряжение двух художественных начал: реального и условно-мифологического — Дужан Магзумов использует для раскрытия мифопоэтики женских

образов. Художник пишет далеко не всех женщин, но тех, кто живет в полном единении со своей землей, с окружающей их природой. Сама жизнь в своей естественной простоте и есть гармония и вожделенный степной идеал божественной Умай: Девы — Женщины — Матери.

Портрет «Бэйбіше» (рис. 2) Д. Магзумова решен в нежных сиренево-розовых тонах. Эта строгая выверенная композиция — дань уважения к старшей женщине в семье, высокий статус которой подчеркивает белоснежный кимешек. Само право ношения традиционного кимешека символизировало переход женщины из одной возрастной категории в другую, от молодости к зрелости, от непостоянства к уверенности. Героиня Магзумова готова к инициации: она спокойна и исполнена чувства собственного достоинства. И это не просто женщина, но визуаль-

ное воплощение зрелой богини Умай, супруги небесного бога Тенгри, покровительницы материнства и детства.

В целом статус бэйбише можно назвать «предпиком» духовной закалки тюркской/казахской женщины. Так, «в сфере домашнего хозяйства полномочия женщин были практически не ограничены, и муж, как правило, предпочитал не вмешиваться в хозяйственную деятельность своей жены. Женщины, умело управлявшиеся с хозяйственными и домашними делами, славились на всю округу, их статус в семье мужа был достаточно прочным, так как они доказали свое умение в той сфере деятельности, которая традиционно считалась исключительно женской, продемонстрировав свое соответствие традиционным ценностным характеристикам „настоящей женщины“» [2, с. 202].

И тут дело не в возрасте женщины, а в приобретенном жизненном опыте и духовной закалке. Она — старшая в семье среди женщин, ее слушали, с ней советовались, она управляла многими вещами [3].

Композицию Дужана Магзумова «Әжемнің таңы» мы рассматриваем как своеобразное продолжение извечного духовного пути каждого из нас. Путь этот начинается с нашим рождением и длится всю жизнь. Часто нам не хватает душевных сил и смелости даже на то, чтобы просто не свернуть с него, а вожденная вершина горы так и не показывается нам из-за облаков (рис. 3).

Работа посвящена обыденному и при этом глубоко сакральному процессу подготовки утренней трапезы Әже. На фоне мощного дерева — земного воплощения Мирового Древа-Байтерека, белой кобылицы и күбі (посуды для взбивания кумыса) Әже, согнувшись, топит самаурын. С первого же взгляда бросается в глаза маленькое лоскутное одеало — курак көрпе, которое держит в своих руках пожилая женщина.

Такое көрпе в традиционной культуре казахов олицетворяет собой Вселенную, макрокосм в миниатюре. Сшивая яркие тканевые лоскутки в единое полотно для көрпе, казахские женщины словно оживляли архаичные мифы творения, каждый раз повторяя ритуал, где Творец-Тенгри создает солнце, луну, радугу, дождь, облака, цветы и все вокруг. Так и Әже начинает свой день с акта творения. Она каждое утро осуществляет обыкновенное волшебство, соединяя лоскутки сиюминутных со-

Рис. 5. Д. Магзумов.
«Аспан үні», 2011 г.

бытий в жизненное полотно. Тем Эже хранит жизнь и быт родного Көкше, а вместе с ним и вселенную казахской культуры в целом.

Вся картина пронизана элементами композиционной метафоры — это и упомянутое күбі (кстати, изготавливаемое из цельного куска дерева священных деревьев — мини-аналога Мирового Древа), в котором сбивается кумыс — молоко Небесной кобылицы, и сам посох для взбивания — піспек. Эта композиционная и сюжетная метафора пронизывает все произведение художника, в котором главенствующей темой является современная жизнь, а образность создана за счет привлечения древних мифологических сюжетов. «Әжемнің таңы» — целостная композиция, ведь в каждой ее детали заключен целый космос, и любая часть несет в себе информацию о целом, вторя тютчевской формуле жизни «Все во мне, и я во всем».

Другой мифологический образ, представитель миксантропических существ, часто обыгрываемый Дужаном Магзумовым, — Кентавр, известный символ степной культуры. Полная гармония степняков с природой отразилась в восприятии оседлыми народами всадника с конем как единого целого, воплотившегося в образе кентавра. В мировой культуре образ кентавра представляется в двух ипостасях: разрушающей и созидательной, возможно даже, воспитывающей (миф о кентавре Хироне — символ доброты, человечности и благородства, воспитателя героев).

Магзумовские кентавры (рис. 4), безусловно, гармоничны и представляются нам специфической визуализацией образа простого учителя биологии по имени Колдуэлл из романа Джона Апдайка «Кентавр» (1963), где параллель с кентавром позволяет постичь весь образ настоящего учителя-мудреца, характеризующегося безграничной добротой и готовностью к самопожертвованию. Таков магзумовский кентавр на фоне Солнца — источника жизни и знания.

Очень интересна и самобытна композиция Дужана Магзумова с кентавром вокруг летающих камней (рис. 5), которые, словно малые тела Солнечной системы (которые в астрономии тоже называются кентаврами), под воздействием центробежной силы вращаются в поле пространства своего рождения. Причем их форма образуется соединением тысячи пылинок и существует как единое целое за счет взаимного притяжения, сила которого очень мала. Через своеобразную трактовку мифологических образов в своеобразном метафорическом ключе художник доносит до нас главную идею картины: космос культуры очень хрупок, его целостность легко разрушить в век тотальной глобализации.

Поэтична и справедлива точка зрения В.Ф. Петренко: «Создавая замысел, тему произведения, оперируя представлениями, образами, про-

думываемую композицию, визуальные планы, цветовые и световые решения, художник мыслит формами, красками, звуками, решая образными средствами вечные проблемы существования человека, смысла бытия» [4, с. 19].

Так, метафорическая живописная визуализация Дужана Магзумова прослеживается на всех уровнях: от деталей картины до композиции в целом. На него в полотнах художника работает буквально все: сюжет, колорит, техника. От произведения к произведению Дужана Магзумова метафорическое как конструирующий принцип меняется, наполняется новым содержанием и красками. На наш взгляд, художнику удалось найти тот заветный ключ, при помощи которого через древнейшие мифологические образы мировой культуры и сакрального пространства Көкше Дужан приоткрывает современникам истинный смысл жизни, нашего современного бытия. Ведь нельзя забывать, что визуальная метафора есть загадка для зрителя, и в данном случае это — кокшетауский Жұмбақтас.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шайгозова Ж.Н., Султанова М.Э. Путь к вершине: идеал личности в тюркской культуре (на примере устно-профессиональной и художественно-ремесленной традиций) : сборник материалов Международной научной конференции. Астана : ТОО «Идан», 2014. С. 149–152
2. Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб. : Наука, 2011. 202 с.
3. Султанова М.Э., Шайгозова Ж.Н. Душевная закалка в казахской культуре (девочка-девушка-женщина-мать) // Официальный сайт Казахского Научно-исследовательского института культуры. URL: cultural.kz.
4. Петренко В.Ф., Коротченко Е.А. Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов // Психология. 2008. № 4. С. 19–40.

BIBLIOGRAPHY

1. Shaygozova Zh.N., Sultanova M.E. The path to the top: the ideal of personality in the Turkic culture (on the example of oral-professional and artistic-craft traditions) : collection of materials of the international scientific conference. Astana : LLP “Idan”, 2014. Pp. 149–152/
2. Stasevich I.V. Social status of women among Kazakhs: traditions and modernity. SPb. : Nauka, 2011. 202 p.
3. Sultanova M.E., Shaygozova Zh.N. Mental hardening in Kazakh culture (girl-girl-woman-mother) // Electronic resource: the official website of the Kazakh Research Institute of Culture. URL: cultural.kz.

4. Petrenko V.F., Korotchenko E.A. The figurative sphere in painting and literature. Visual analogs of literary tropes // *Psychology*. 2008. № 4. Pp. 19–40.

УДК 7.03 (571.150)

*А.Г. Россинский,
кандидат философских наук,
профессор кафедры инструментального исполнительства
(Алтайский государственный университет, Барнаул)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ. ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

Настоящая статья продолжает цикл работ, посвященных исследованию прошлого музыкальной культуры края, ее руководителям, которые остались в тени общего внимания. Автор показывает многие события в культурной жизни края, которые стали знаковыми для ее истории. Поднимаются и перспективные вопросы современной организации культурной жизни края в новых социально-экономических условиях.

Ключевые слова: Алтай, музыкальная культура, руководители, культурно-исторические события, проблемы и перспективы.

*A.G. Rossinsky,
PhD in Philosophy, Professor of the Department of Instrumental
Performance (Altai State University, Barnaul)*

HISTORICAL SILHOUETTES OF CULTURAL WORKERS OF THE ALTAI KRAI. MEMORIES OF THE OTHER

This article continues a series of works devoted to the study of the past of the musical culture of the region, its leaders, who remained in the shadow of General attention. The author shows many events in the cultural life of the region that have become significant for its history. Promising issues of modern organization of the cultural life of the region in the new socio-economic conditions are also raised.

Keywords: Altai, musical culture, leaders, cultural and historical events, problems and prospects.